

Казахская национальная интеллигенция начала XX века

Соснина Д.

Научный руководитель: PhD, доктор Батырбеккызы Г.

Проблемы казахстанской интеллигенции в различной степени затрагивались в публикациях историко-партийного содержания, в трудах ученых-аграриев. Среди них особенно выделяются работы Я.А.Аубакирова, М.К.Козыбаева, Г.Ф.Дахшлейгера, К.Н.Нурпеисова, Т.Б.Балакаева, Ф.К.Михайлова, Х.М.Маданова, А.Б.Турсунбаева[1].

Самостоятельным направлением в историографии интеллигенции Казахстана стали публикации, посвященные подготовке специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях. История становления, опыт организации высших и средних специальных учебных заведений, их вклад в становление кадрового потенциала отраслей народного хозяйства и сферы культуры подробно освещены в работах К.Ж.Жаманбаева, К.Д.Жуламанова, М.Б.Заславской, Ц.Р.Розенберга, В.М.Козьменко, И.Сембаева, Л.З.Рустемова[2].

Различные аспекты истории формирования и развития интеллигенции республики освещены в исследованиях по истории культуры и культурному строительству. Это работы Р.Б.Сулейменова, Х.И.Бисенова, Х.Х.Хабиева, А.К.Канапина, А.Д.Яндарова, А.Н.Кудайбергенова, Н.Кузембаева, П.Гноевых[3].

В 1970-е годы развернулось комплексное изучение социально-классовой структуры населения республики. Были опубликованы крупные философские труды М.С.Аженова, А.Ишмухамедова, Н.К.Капесова, С.Н.Соскина и других⁶. В этих трудах на основе общепринятой в те годы методологии, наряду с рассмотрением тенденций изменения социально-классовой структуры общества, содержались многочисленные статистические и другие эмпирические сведения о количественных и качественных параметрах казахстанской интеллигенции.

Демографические процессы в республике и их воздействие на изменение социально-классовой структуры города и деревни изучались в исследованиях М.Х.Асылбекова, Ф.Н.Базановой, А.Б.Галиева, М.Б.Татимова[4]. К данной группе исследований тесно прилагают публикации об интеллигенции и ее различных отрядах. Исследования, посвященные собственно интеллигенции, появились в 1950-х годах. Первые специальные исследования принадлежат перу Ш.Ю.Тастанова, Ж.Карагусова, Х.З.Акназарова, А.Калшабекова[5]. Из перечисленных исследователей Ш.Ю.Тастанов продолжил свои исследования и опубликовал 2 крупные работы, посвященные истории формирования и развития интеллигенции Казахстана[6].

В первой книге «Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов (на примере Казахстана)» в качестве главных закономерностей формирования интеллигенции Советского Казахстана автор выделяет привлечение на сторону Советской власти старой интеллигенции, выдвиженчество, а также формирование рядов интеллигенции через систему высшей и средней специальной школы. В качестве специфической закономерности формирования интеллигенции Казахстана Ш.Ю.Тастанов справедливо отмечает разностороннюю помощь русского народа, российских высших учебных заведений и российского образования, крупных вузовских центров страны. Вместе с тем автор выделяет роль национальной интеллигенции нового типа, сформированную в годы Советской власти в консолидации казахского этноса и формировании его облика во второй половине XX в. Как «выдающуюся» определяет он роль интеллигенции в период, когда еще не сложились ряды индустриального пролетариата, и эту роль интеллигенции в жизни бывших колониальных народов он определил как особенность некапиталистического развития ранее отсталых народов.

В другой своей работе «Казахская советская интеллигенция (проблемы становления и развития)» Ш.Ю.Тастанов размышляет о сущности и роли интеллигенции в социалистическом обществе, более детально по сравнению с предыдущей работой

рассматривает этапы формирования интеллигенции в советский период, особо выделяет роль научного отряда интеллигенции в развитии общества. Несмотря на то, что в главе, посвященной «критике антимарксистских извращений социальной сущности и роли интеллигенции в современном мире» содержатся идеологические положения, с которыми в наши дни очень трудно согласиться, это исследование рассматривает проблему истории формирования интеллигенции Казахстана не только в историческом контексте, но и как проблему философскую и социологическую. В казахстанской историографии интеллигенции это была, пожалуй, одна из немногих работ, рассматривавшая разносторонне, на основе общепринятой методологии тех лет, в исторической ретроспективе проблему формирования советской интеллигенции Казахстана. И одновременно она раскрывает проблемы количественного роста различных отрядов интеллигенции.

Как и практически все советские исследователи, казахстанские историки суть интеллигенции, ее социальную природу и сущностные черты сводили к образовательному цензу, характеру и содержанию труда. Всю социальную общность, занятую простым и сложным умственным трудом, они определяли как слой интеллигенции. Интересное, и в то же время типично советское определение интеллигенции на рубеже конца 1980-начала 1990-х гг. дали Р.Б.Сулейменов и Ш.Ю.Тастанов: «интеллигенция, — заключили авторы, — действительно социальная категория общества, самым серьезным образом озабоченная судьбами советского народа и страны. «Инакомыслие», критичность ума — сущностные черты интеллигенции».

Исторический опыт формирования, социального развития и деятельности интеллигенции на материалах сельской интеллигенции Казахстана были рассмотрены в книге Х.М.Абжанова «Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма»[7]. Эта работа является продолжением исследования данной темы, начатого еще в начале 1980-х годах. В своей новой книге проблему интеллигенции автор предложил исследовать как экономическую, культурную, социальную, нравственную и национальную. Отдавая должное своим предшественникам, Х.М.Абжанов пересматривает прежние концепции и представления об интеллигенции и считает, что определяющим и главным в сути и деятельности интеллигенции всегда было и есть эвристическое содержание, определяющее потребности общественного прогресса, культуру, экономику, нравственность общества. По его мнению, значимость интеллигенции измеряется не ее численностью, внутренней дифференциацией. Интеллигенция, на его взгляд, является той социальной силой, которая, аккумулируя опыт и знания многих поколений, призвана познать свойства, связи и отношения природы, общества и сознания.

Считается, что с полным основанием работы казахстанских ученых по истории интеллигенции можно отнести к трудам социально-профессионального направления, ибо именно эти признаки выделяются ими в качестве основных при характеристиках казахстанской интеллигенции. Вместе с тем, труды казахстанских историков, так же как и труды всех советских исследователей культуры, были подвержены вне научным формам воздействия. Для многих из них характерны излишняя комплиментарность, строгое следование идеологическим постулатам. В этой связи можно привести признание исследователя Ш.Ю.Тастанова, который в одной из своих статей он вспоминает: «в характеристике дореволюционной казахстанской интеллигенции, особенно в оценке идейных и политических позиций различных ее групп, советские исследователи прошлых времен допускали грубые извращения, граничащие с клеветой на них и фальсификацией их взглядов, навешиванием различных политических ярлыков типа «реакционные буржуазные националисты», «прислужники капитализма» и так далее. Не свободен был от этих пригрешений, обусловленных диктатом коммунистической идеологии, и автор данных строк, опубликовавший в разные годы ряд монографий, брошюр и статей, посвященных различным проблемам и аспектам рассматриваемой темы. Можно было иметь личное мнение, принципиально отличающееся от официальных установок, но никто не мог его выразить — ни устно, ни печатно».

Активное участие национальной интеллигенции тюркофильской ориентации в политической жизни провозглашенной Туркестанской автономной республики в период распада старой российской и формирования новой советской государственности в 1917 г. рассмотрено в монографии А.М.Ауанасовой «Национальная интеллигенция Туркестана в первой четверти XX века». Автор на основе привлечения обширного круга архивных источников, а также материалов периодической печати первой четверти XX в. реконструировал политический ландшафт Туркестана в период революционных событий 1917 г. и деятельность интеллигенции среднеазиатского края в первые послереволюционные годы, вплоть до национально-государственного размежевания 1924 г. Воссоздавая политические события тех лет, автор вместе с тем не проводит четкой дифференциации интеллигенции. Только священнослужителей она выделяет как основную массу интеллигенции. А.М.Ауанасова не оценивает степень разногласий внутри туркестанской интеллигенции, проявлявшуюся как фактор постоянного действия в политической жизни тех лет. Спорными, на мой взгляд, являются утверждения автора о том, что «размежевание Средней Азии и Казахстана привело к искусственному отрыву тюркских народов друг от друга. Был нарушен вековой устой Туркестана, который основывался на единстве экономики, хозяйствования, национальной культуры и самосознания народов... Страх Советской власти перед объединением всех тюркских народов Туркестанского региона заставил уничтожить вековые, историко-культурные, языковые связи, этногенетическую общность в Центральной Азии. Единоличное правление центра в регионе соответствовало большевистской ленинской национальной политике. Советская власть продолжала политику российского колониализма в этом вопросе. Протест национальной интеллигенции, понимающей, какую опасность таит в себе единый диктат центра, наталкивался на глухую стену, раздражение и безразличие, а впоследствии и преследование со стороны большевистского руководства»[8].

На мой взгляд, трудно согласиться с таким утверждением потому, что к началу XX столетия различия между этносами, населяющими Центрально-Азиатский регион, достигли качественно нового уровня, нежели в период средневековья и нового времени. Это новое качество в этнической идентификации и национальном самосознании отразилось в формировании различных по своей политической, религиозной и культурной ориентации политических партий и движений. Вместе с тем необходимо также сказать о том, что тезис о намеренном разделении тюркских народов Средней Азии и Казахстана не является новым. Автор заимствовал его из опубликованных в последние годы сочинений бывшего непродолжительное время премьером Кокандской автономии Мустафы Шокая (Чокая) и других деятелей, выступавших против сталинского режима.

В 1920-1930-е годы, не найдя какой-либо альтернативы большевистской власти, М.Шокай стал активным пропагандистом идеи единого Туркестана, «единого тюркского народа» и объединения тюркских народов. Я считаю, что эта идея апеллирует больше к чувствам и общему средневековому историческому прошлому и ей присуща известная доля политического романтизма и прожектерства. Вместе с тем в работах М.Шокая (Чокая) содержатся его личные характеристики многих представителей казахской интеллигенции, активно служившей своему народу и большевистской власти. Турара Рыскулова он назвал «сталинским фаворитом». Нелицеприятных оценок удостоился Санжар Асфендияров, опубликовавший в 1935 г. «Историю Казахстана», написанную с методологических позиций материалистического понимания истории. Народный комиссар просвещения Казахстана 1934-1937 гг. Темирбек Жургенев также был назван проводником колонизаторской политики большевиков. Несмотря на антибольшевистский пафос сочинений М.Шокая (Чокая), в них содержатся справедливые оценки многих негативных сторон форсированной индустриализации, алфавитных реформ 1920-1930-х гг., объективных и субъективных трудностей школьного строительства того периода.

В 2001 г. в Уфе вышла книга актюбинской исследовательницы Г.Султангалиевой «Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-XX вв.)». Работа

посвящена взаимодействию культур казахского, татарского и башкирского народов. Значительное место Г.Султангалиева уделила вопросам истории формирования национальной интеллигенции, ее роли и месту в казахском обществе. Она обратила внимание на взаимосвязь развития просвещения и образования с формированием интеллигенции. Отмечается, что во второй половине XIX-начале XX вв. Казанский университет, а позже и Санкт-Петербургский университет были единственными учебными учреждениями, где представители национальных окраин России получали высшее университетское образование. Автор анализирует общественно-политическую деятельность известных представителей национальной интеллигенции Казахстана на рубеже конца XIX-начала XX вв., в числе которых и А.Беремжанов — депутат 1 и 2-й Государственной Думы от Тургая.

В развитии историографии интеллигенции Казахстана 1990-х годов значительное место занимают вышедшие исследования, воссоздающие жизнь и деятельность известных представителей национальной интеллигенции, внесших значительный вклад в развитие культуры. Это статьи и кандидатские диссертации, посвященные жизни и творчеству А.Букейханова, А.Байтурсынова, А.Ермекова, С.Садвакасова, Р.Марсекова, А.Беремжанова, М.Сералина, С.Ходжанова. Хотелось бы надеяться, что на основе этих диссертаций будут созданы исторические портреты, посвященные представителям национальной интеллигенции, и реконструированы важные страницы истории Казахстана XX в., а жанр персоналий в историографии получит в результате этих исследований содержательное продолжение.

Ограничение доступа к архивным и статистическим материалам, негласный запрет на критическое и правдивое освещение истории интеллигенции со стороны московских и казахстанских властей привели к образованию нерешенных проблем, незавершенности, разрозненности научных концепций интеллигенции. В частности, в существующей исторической литературе не были установлены этапы формирования интеллигенции Казахстана. Так, в монографии К.Ж. Жаманбаева «Высшая школа в Казахстане: Исторический опыт Компартии Казахстана по руководству высшей школой за 50 лет (1920-1970 гг.)» утверждается, что история развития высшей школы и формирования казахстанской интеллигенции прошла пять этапов:

- 1) первое десятилетие Советской власти (1917-1927 гг.);
- 2) три довоенных пятилетки (1928-1941 гг.);
- 3) период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.;
- 4) период послевоенного восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма (1946-1958 гг.);
- 5) период развернутого строительства коммунистического общества.

Формирование интеллигенции Казахстана автор напрямую связал с развитием высшей школы республики, положив в основу критериев интеллигенции образовательный ценз.

Академик Р.Б.Сулейменов предложил другую периодизацию. По его мнению, так же как и культурная революция, формирование интеллигенции Казахстана прошло три этапа формирования: 1) с октября 1917 г. до начала 1930-х годов; 2) 1933-1958 гг.; 3) завершающий этап (с конца 1950-х годов)³⁴. Иной точки зрения придерживается Ш.Ю.Тастанов. Он считает, что процесс формирования интеллигенции Казахстана завершился к концу 1930-х годов.

Исследователи С.Н.Быкова и В.Ф.Сбытов относят завершающий этап формирования и развития республиканских и национальных отрядов интеллигенции к периоду с конца 1960-х годов до конца 1980-х годов.

Собственную периодизацию истории формирования сельской интеллигенции Казахстана предложил профессор Х.М.Абжанов. Он выделяет два этапа:

- 1) 1946-1970 гг.;
- 2) 1971-1985 гг.

На протяжении первого этапа, по его мнению, завершился процесс создания интеллигенции в Казахстане, на втором — происходит социальное развитие интеллигенции на собственной основе. В целом же периоды развития аграрного отряда интеллигенции Казахстана он подразделяет на 1946-1953 гг., 1954-1965 гг. и 1966-1985 гг., что соответствует, на его взгляд, общей периодизации истории осуществления аграрной политики в Казахстане. Автор, предлагая такую периодизацию, исходил из хронологических рамок собственного исследования. Однако, думается, что не совсем правомерно было бы вовсе не упоминать довоенный период. Известно, что именно в довоенные годы были заложены основы колхозно-совхозного строя по всей стране. В эти же годы сформировался управленческий, ветеринарный, агрономический и зоотехнический корпуса аграрной интеллигенции Казахстана. И материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. зафиксировали процесс становления сельской интеллигенции Казахстана уже в довоенные годы[9].

Становление суверенного Казахстана как государства проходит в условиях радикальной трансформации экономической, политической и социальной сфер общества, характеризующейся еще и подъемом этнического самосознания. Последнее определяется, как считают многие ученые, и ролью интеллигенции. Именно она оказывает в значительной степени воздействие на духовное развитие народа, рост его самосознания и этнокультурного мироощущения. Это обстоятельство было отмечено философом Н.Амрекуловым в новаторской по своей сути статье «О казахской интеллигенции», опубликованной в 1993 г. Подобного рода аналитические материалы на страницах казахстанской печати встречаются крайне редко, и поэтому они привлекают внимание исследователей на протяжении довольно длительного периода. Автор высказался в пользу демократического выбора в определении путей общественного развития Казахстана после распада СССР в 1991 г. В случае ориентации на предложения казахских патриотов автор предостерег об опасности возврата в средневековые жузовские распри. Следуя по пути развитых стран народ Казахстана, с его богатыми природными ресурсами, по его мнению, может встать в один ряд с цивилизованными странами. Особое же положение интеллигенции в этих условиях автор определил так: «властительница умов», «совесть и разум» нации. Н.Амрекулов призвал не только городскую, но и сельскую интеллигенцию, а также интеллигенцию в первом поколении к мудрости и разуму. Они необходимы, по мнению автора, для того, чтобы не копаться в старых обидах, а чтобы быстро преодолеть постколониальный синдром и соответственно новому положению Казахстана в СНГ и в мире перейти к новому типу мышления и этнического мироощущения — к парадигме прагматичного компромисса, терпимости и гуманизма как высшей и вечной общечеловеческой ценности и императиву мирного толерантного казахстанского бытия.

К этому следует также добавить и то, что модель этнокультурной идентификации, межэтнических взаимодействий двух доминирующих этносов современного Казахстана должна строиться исключительно на креативных, созидających идеях, на признании неприкосновенности этнокультурной самобытности каждого этноса. Межэтнические взаимоотношения двух ведущих этносов, испытывающие также и мощное внешнее воздействие, будут определяющими и на всей палитре межэтнических, этнокультурных и межконфессиональных взаимоотношений.

На мой взгляд, можно определить категорию интеллигенции как категорию лиц, профессионально занимающихся умственным трудом, осуществляющих производство, трансляцию и основное потребление знаний и духовных ценностей. При этом, видимо, следует особо выделить творчество как неотъемлемую черту интеллигентского труда — критерия выделения интеллигенции из бюрократического и управленческого персонала. Вместе с тем интеллигенция может производить определенную часть духовных ценностей чисто для собственного потребления, ценностей, не имеющих широкой общественной практической полезности. Нам кажется, что невключение в содержание понятия «интеллигенция» каких-либо конкретных признаков для выделения ее как общественного

слоя объясняется тем, что к этой группе причисляются очень разнородные по своему экономическому, политическому, социальному положению группы, что рассматривать интеллигенцию как целостный моно-лит при конкретно-историческом анализе методологически неточно. Я думаю, что уровень обобщения в исторических исследованиях можно ограничить выделением групп интеллигентских профессий, показом противоречий в тенденциях ее развития. Одновременно хотелось бы обратить внимание и на то, что не может быть однозначных ответов на такие извечные вопросы, как взаимоотношения власти и интеллигенции, интеллигенции и народа, поскольку в подобного рода обобщениях присутствует определение интеллигенции как целостной группы. Думается, что плодотворным может явиться использование теории социальной стратификации, согласно которой можно подразделять интеллигенцию на группы в зависимости от задач исследования по различным параметрам: по отношению к власти, уровню доходов и т.д. Таким образом, можно констатировать, что дифференцированное отношение к интеллигенции способно более рельефно раскрыть черты, присущие этой социальной группе. Например, интересной нам представляется точка зрения российского исследователя С.А.Красильникова, который предлагал дифференцировать интеллигенцию по отношению к власти на лидерный тип, базисный и маргинальный. Такое деление позволяет выделить определенный вектор политики по отношению к интеллигенции и ответную реакцию на эту политику, и она представляется неоднозначной. В частности, позицию маргиналов зачастую можно определить как оппозицию, а реакцию «мандаринов» — как различную, так как зачастую это не просто одобрение действий властей и поддержка ее, но и использование в своих целях. В отношении среднего, базисного слоя, в силу его неустойчивого положения, также трудно дать однозначный ответ, ибо его неустойчивость проявляется в тяготении к представителям верхнего или нижнего слоя интеллигенции.

В основу типологии всей современной казахской интеллигенции могут, по моему, быть положены два критерия: уровень цивилизационного (урбанистического западно-индивидуалистического) развития и отношение к иноэтничному, особенно русскому этносу. По отношению к цивилизационно-исторической вертикали казахская интеллигенция, впрочем как и весь народ, исторически были разделены на городских и сельских интеллигентов.

Доля городских интеллигентов, по мнению некоторых исследователей, в первые постсоветские годы составляла 5 % всех родившихся в городе казахов. Это группа, впитавшая в себя западно-индивидуалистскую культуру, русский язык и культуру как родной, наряду с казахским языком и культурой, для которой характерно индивидуалистическое сознание, с опорой на собственную личность, а не родовые или групповые приоритеты, она более восприимчива к рынку и частнособственническому образу жизни. Эта группа характеризуется, наряду с либерал-патриотами, близостью к идее приоритета личности над правами группы (этноса, класса). Она не страдает тяжелыми постколониальными синдромами и выступает против национал-реваншизма, поскольку отток демократически настроенных неказахских интеллигентов и интеллектуалов-европейцев снижает уровень демократизации, усиливает «восточную» ориентацию Казахстана, с его традиционализмом и консервативностью.

Другая группа — сельские интеллигенты первого поколения, родившиеся в традиционно-патриархальном ауле, с его авторитетом старших, родовым и жузовским приоритетом. У представителей этой группы доминирует групповое родоэтническое сознание, воспроизводимое носителями этой группы и демонстрирующее свою живучесть. При переезде в полиэтничный город с преобладающим русским языком и урбанистической культурой и мировоззрением они попадают в слой испытывающих культурно-языковой шок маргиналов. Для них характерно «почвенничество», казахофильство, ориентация на Восток (в частности турецкую модель). В последние годы для них характерна апелляция на проблемы казахского аула, кардинально изменившегося в результате экономического

кризиса после распада СССР. Часто используются проблемы функционирования и расширения сферы использования казахского языка.

Эти группы — полюса единого для всего казахского этноса спектра, воплощающие центр и правонационалистическое (по отношению к другим этносам и частной собственности), прогрессивное и реакционно-этакратическое направления.

Таким образом, предложенная типология выделяет группу «национал-этатистов» — антирыночников, прогосударственников — державников радикал-национальной (реваншистской) ориентации и группу национал-либералов, терпимую к рынку и представителям славянских этносов, — городских и сельских жителей, выросших в полиэтничной среде.

Немаловажную роль играет здесь и геополитический фактор. Жители-казахи северных и восточных городов долгие годы испытывали большей частью бессознательный шовинизм в быту, кадровой политике со стороны отдельных представителей слабоукорененной среди казахов многочисленной славянской группы, мигрировавшей в целинную и послецелинную эпоху. На юге преобладание казахской деревни и большая численность казахов в городах умеряла имперские проявления со стороны отдельных немногочисленных представителей «старшего брата».

Данная типология казахской интеллигенции строится на основе двух критериев: уровне цивилизационной развитости индивида и приоритете личностного начала (основанном на принципе примата прав и свобод человека) над групповым. Необходимо отметить, что границы между ними не абсолютны и возможны исключения, например неказашка жена или неказак муж, выстраданный в сталинские годы интернационализм, точнее, этническая индифферентность старшего поколения казахов-фронтовиков, трезво оценивающих роль России и простых русских людей в развитии Казахстана и приобщении казахов к современному образованию, медицине, культуре и т.д. Относя предложенную типологию к стохастической (вероятностной) закономерности, действующей для больших масс людей, эта типология, по моему мнению, позволяет ориентироваться во всем многокрасочном спектре не только казахской интеллигенции, но и всего казахского этноса. Она позволяет более или менее точно охарактеризовать прогрессивные и консервативные группы казахского этноса относительно кардинальных вопросов перехода к частнособственнической рыночной экономике, правовому гражданскому обществу, развитой демократии, этнокультурной толерантности. Утверждение парадигмы прагматичного компромисса, гуманизма и национальнокультурной терпимости как высших общечеловеческих ценностей необходимы для утверждения в современном Казахстане мира и межэтнического спокойствия. Только эта дорога способна вывести казахов и всех казахстанцев к высотам современной цивилизации и культуры, поставить кочевников менее чем за один век в ряд с процветающими индустриальными народами. Другой путь — конфронтации и нетерпимости — грозит разрушениями и гибелью людей. Более того, при негативном варианте развития событий казахи могут быть отброшены далеко назад даже по отношению к советскому периоду, конъюнктурными «учеными» и публицистами однозначно негативно оцениваемого как имперский, русификаторский и провоцирующий всякого рода нетерпимость. Цена межнациональной розни, статей, речей и действий, дестабилизирующих межэтническую стабильность в Казахстане, — это ни больше ни меньше как нарушение территориальной целостности, гибель людей и распад молодой государственности. Вместе с тем, важнейшей задачей для казахов, а также и всех казахстанцев является осознание ответственности перед всем цивилизованным сообществом, преодоление опасности раскола на указанные городские и сельские группы интеллигенции.

Список литературы:

1. Аубакиров Я.А. Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Казахстана. - Алма-Ата, 1984;

2. Жаманбаев К.Ж. Высшая школа в Казахстане: Исторический опыт Компартии Казахстана по руководству высшей школой за 50 лет (1920-1970 гг.). - Алма-Ата, 1972;
3. Гноевых В.И. Социальное развитие сельской интеллигенции Казахстана. - Алма-Ата. 1977;
4. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). - Алма-Ата, 1991;
5. Карагусов Ж. Казахская советская интеллигенция, рожденная Октябрем. - Алма-Ата. 1960;
6. Тастанов Ш.Ю. Советский опыт.;
7. Абжанов Х.М. Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. - Алма-Ата. 1988;
8. Ауанасова А.М. Указ соч. - С. 226-227.
9. Амрекулов Н. О казахской интеллигенции // Новое поколение. - 1993. 17 марта.

Каспийская проблема в начале XXI века (некоторые аспекты)

Тиллоев Шерзод Асадуллоевич

Научный руководитель: д.и.н., доцент Р.С.Буктугутова

Кокшетауский университет им. А.Мырзахметова

В данной статье рассматриваются позиции Казахстана в вопросе Каспийского моря. В частности рассмотрим роль Первого Президента, Елбасы Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев в решении вопроса о разделении Каспийского моря на сферы влияния.

Начнем с того что 12 августа 2018 г. был проведен саммит по вопросу Каспий в Актау. После завершения этот саммит без колебаний стал самым результативным в долголетней и тщательной работы сторон. Стартовав с различных переговорных позиций, государств «каспийской пятерки» сумели отыскать взаимоприемлемый компромисс, который обеспечил сбережение политической прочности в ареале. Подписанная в Актау так называемая «Конституция Каспийского моря» заняла центральное пространство среди новых документов международно-правовой базы по регулированию прав и ожиданий прибрежных стран.

Стоит отметить, собственно что из всех фаворитов стран Прикаспийского региона, участвовавших в церемонии подписания Конвенции, только Нурсултан Назарбаев был вовлечен в дипломатичные консультации по согласованию вопроса правового режима Каспия с самого начала диалога. За более чем 20-летнюю ситуацию переговорного процесса любое из прикаспийских стран, в большей или же наименьшей степени, модифицировало собственные расклады сравнительно принципы положений грядущей Конвенции. Впрочем как раз казахстанско-азербайджанский тандем определил главные положения, которые после чего были подхвачены Российской Федерацией и легли в базу итоговых договоренностей.

Ещё в 1994 г. Казахстан предположил свой план повального контракта по правовому статусу Каспи, ряд положений которого в результате были перенесены в конечный проект Конвенции. Выступая против хранения режима советско-иранского кондоминиума, существовавшего на Каспии до распада Советского Союза, Казахстан в начале предлагал делимитировать Каспийское море в той или иной форме.

В частности, план Конвенции, подготовленный Казахстаном в 1994 г., был реализован при принятии концепции закрытого моря и давал собой вариант использования к Каспию ряда ведущих основ и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Исходя из казахстанской позиции, акватория подлежала разграничению на территориальные воды и национальные рыболовные зоны, которые бы пребывали под государственной национальной юрисдикцией. Еще ожидалось установление грани исключительной финансовой зоны всякой страны по срединной части в согласовании с международной практикой. Предлагая приспособить общепризнанные мерки интернационального морского права к истории в